

Николай Стародымов

ШТРИХИ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Даты, события, судьбы...

Николай Александрович Стародымов

Штрихи тысячелетия

Серия «Жизнь и судьба (Горизонт)»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35510377

Аннотация

Неисчислимо́е множество событий, дат и имён хранят вехи тысячелетней русской истории. К некоторым из них обращают внимание читателя статьи военного историка, журналиста и писателя Николая Стародымова. Важные этапы строительства и существования российской армии; факты из истории отечественной благотворительности; портреты выдающихся деятелей прошлого от князей Святослава и Александра Невского до военных деятелей эпохи заката царизма Засядко и Артамонова, от патриарха Филарета до Владыки Нестора (Анисимова), от имама Шамиля до Великого князя Михаила Николаевича – всё это откроет для себя читатель данной книги.

Содержание

Раздел I	4
Дранг нах Остен. Шаг первый	4
Ура – на Бердаа!	18
Загадки Куликова поля	26
Боевое братство средневековья	34
Войско стрелецкое, почти регулярное...	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Николай Стародымов

Штрихи тысячелетия

Раздел I

Вехи минувшего

Дранг нах Остен. Шаг первый

11 апреля 1147 года Папа Римский Евгений III провозгласил Крестовый поход против славянских племен. Этим освященным католической церковью актом было положено начало восьмивековому германскому «Дранг нах Остен». Сколько миллионов жизней было принесено в жертву Молоху войны с благословения этого понтифика! Именно он направил на Восток крестоносное войско, подобное мифологическому свирепому Мантикору – чудищу с телом льва, головой старика, рогами козла и хвостом скорпиона, способное проглатывать жертву целиком. Правда, если Мантикору прищемить хвост, он будет ласковым и покладистым, однако только до момента, когда сможет отыгаться. И тогда от него пощады не жди – все как у крестоносца!

Нынче граница между миром славянским и германским

проходит по западной границе Польши и Чехии. Тысячу лет назад земли наших дальних родственников – поморян, лютичей (велетов, вильцев), бодричей (ободритов) – простирались намного дальше.

Народы, населявшие центр Европы, априори должны были обладать большим потенциалом агрессивности. Носители миролюбия здесь оказывались обречёнными на уничтожение или порабощение сильными соседями. Слишком много находилось желающих на обладание этими благодатными местами.

Союзы славянских племен не являлись исключением. С севера датчане и скандинавы, с запада народы бурлящей лоскутной империи Карла Великого, с юга венгры и авары... И это не считая «братских» столкновений с поляками, сербами, чехами, словенцами-хорутанами... Бесконечные войны, складывавшиеся и распадавшиеся союзы племен, борьба за власть, заговоры, религиозные распри – всё это превратилось для них в повседневную обыденность.

Первыми под власть западных пришельцев, пусть и временную, подпали лютичи. Это был мощный союз, занимавший территорию нынешней Германии между Одером и Эльбой севернее Берлина. Ведущим племенем его являлись ратари (ретряне), кроме того, в союз входили хижане, доленчане, череспеняне (от названия реки Пена). К слову, географические названия региона хранят славянские корни до сих пор: реки Свинов, Варнов, Траве, города Росток, Тете-

ров, Шверин (историческое название Зверин), Висмар (Вышимир), Любек (Любеч)... Главным городом лютичей был Ретра (Радигош), в котором находился главный славянский храм Радагоста, Сварожича. Это была могучая крепость с тремя башнями, которую, тем не менее, в 1069 году взяли и разрушили войска Бурхарда Гальбештадтского. После этого религиозным центром лютичей стала крепость Аркона на северном побережье острова Рюген.

В 789 году на земли лютичей обрушил своё войско франкский король Карл Великий. Он обложил их данью и устремился дальше – на аваров, которые держали в страхе всю Европу. Оправившись от поражения, лютичи легко сбросили власть завоевателей. Тогда в кошмарном сне никто из них не мог предположить, что это был лишь авангард жуткой безжалостной силы, надвигавшейся с Запада! Словно обитатели грозowych туч, славянские духи-погибалцы, вступили в союз с германскими свирепыми великанами вильде меннер и фенке против лютичей и их друзей.

Распадавшаяся империя Карла Великого образовывала новые королевства и герцогства, которые, повинувшись центробежным силам, устремлялись на завоевание земель соседей. Король нарождавшегося немецкого государства Генрих I по прозвищу Птицелов (876-936) стал первым германским правителем, который ступил на путь покорения славянских земель. Он двинулся на другой племенной союз – бодричей, которые обитали по течению реки Лабы (Эльбы). Крупней-

шими городами их были Велеград, Старград (на земле племени вагров), Ратибор (полабы), Зверин (варны), Вышимир.

В 929 году славяне потерпели поражение в битве у Ленчи-не. Под пяту завоевателей попали серболужичане и гаволяне. Гаволяне проживали по рекам Гаволе (Хавель) и Шпре-ве (Шпree), столицей их был Бранибор (Бранденбург). В результате бодричам пришлось платить дань, достаточно обременительную. На завоеванных землях германцы создали новое государственное образование – Северную марку. Марками германцы называли пограничные укрепленные территории на землях, отвоеванных у соседей. Во главе военизированной области ставился маркграф – правитель, облеченный особыми полномочиями. В Старграде (Ольденбурге) образовали епископство – форпост религиозного проникновения в регион. Закрепившись и онемечив марку, её в дальнейшем использовали как плацдарм, с которого осуществлялся рывок на новые земли.

Уже тогда во всей красе предстала соседям главная отличительная черта германских завоевателей. Безжалостная беспощадность к побежденным! Потерпевшие поражение народы оказывались перед выбором самым немудрёным: либо безропотная покорность, либо смерть. Естественно, среди славян находились люди, склонившие выи под ярмо пришельцев, были бившиеся за свободу до конца, были и те, кто искал компромисса...

В 983 году славяне подняли восстание против германцев.

Пришельцев вышвырнули туда, откуда они пришли – за Эльбу. Естественными союзниками полабов временно стали их извечные враги, датчане, которые также изгнали подданных Оттона II. К 1002 году на славянских землях региона захватчиков не осталось нигде. Более того, племена оставили свои распри и на целый век объединились в единое Вендское государство, которое обладало достаточной силой, чтобы противостоять агрессорам.

Скажем, в 1056 году они наголову разгромили войска германского короля Генриха III.

Однако германское государство не случайно именовалось Священной Римской империей. Принцип *Divide et impera* – Разделяй и властвуй – выведенный за тысячу лет до её рождения в Древнем Риме, использовать она умела. В качестве «тройанского коня» использовалась, как нетрудно догадаться, религия. Бременский архиепископ предложил князю бодричей Готшлаку поддержку против притязаний саксонских рыцарей. (Вспомним, что в Европе назревал конфликт между светской и духовной властями, вылившийся в вековую войну гвельфов и гибеллинов). За это Готшлак должен был проводить политику христианизации подданных, причём, по западному образцу.

На этом пункте также следует заострить внимание. Официального раскола в христианстве еще не произошло, но к нему дело шло. Окончательно это случилось в 1066 году. Сложилась несколько парадоксальная ситуация: Византий-

ская империя в глазах народов являлась наследницей древнего великого Рима, в то же время не признавая верховенство Папы Римского в вопросах веры. В этих условиях обращение языческих народов в адептов католицизма стало для Запада жизненно важно. Вспомним, что миссионер Адальберт побывал даже в Киеве и пытался при поддержке княгини Ольги крестить Киев, но был вынужден ретироваться не солоно хлебавши.

Для Готшлака обычно непреклонные католические миссионеры пошли на отступление от канонов. Основы веры князь разъяснял подданным сам, простым понятным языком. Можно сказать, что Готшлак пытался создать самостоятельную христианскую церковь – прообраз протестантизма. Епископы не слишком возражали, для них важен был сам факт крещения славян из их рук, рассчитывая впоследствии довернуть ситуацию в нужное русло.

Этим ловко воспользовались саксонские феодалы. Они начали поддерживать родовую знать, стоявшую за традиционное язычество. В результате заговора в 1066 году Готшлак был убит. Это стало грандиозным успехом Запада! Посеянные зерна раздора дали всходы, в сообществе полабских племен произошел раскол. Часть народа, стоявшая за старые верования, выбрали себе нового князя по имени Крутой. Те же, кто принял христианство, пошли за сыном Готшлака Генрихом. В результате патриоту Крутому пришлось бороться на два фронта – против внешнего агрессора, и против не ме-

нее агрессивного внутреннего врага. Взяв и разгромив Гамбург, Крутой покорил Нордальбингию (будущая Голштиния) и раздвинул границы государства до берегов Северного моря, отрезав Ютландию от Священной Римской империи. Однако католическая партия развязала гражданскую войну. Ее лидер Генрих был провозглашен королем, он призвал на помощь немецкие войска, разгромил патриотов и признал себя, по сути, вассалом саксонцев. Князь Крутой в 1093 году погиб. После этого Вендская держава была обречена. И хотя патриоты продолжали оказывать сопротивление и бороться с экспансией, у них не оказалось общепризнанного вождя. По славянским землям повсюду гуляли демонические моряны, огняны и ветряны – существа, целью бытия которых являлось изводить людей. В царство мертвых – навь – потянулись вереницы не желавших смириться с нашествием душ.

Дальнейшие перипетии истории распадавшегося союза племен вполне предсказуемы. В 1119 году во время очередного антинемецкого восстания Генрих Бодрицкий был убит патриотами. Его сыновья тотчас сцепились между собой за передел наследства. В 1129 году государство развалилось. Казалось, навсегда.

Однако история подарила славянам еще один шанс отстоять своё право на создание независимого государства в центре Европы. Этот шанс явился в лице князя-патриота Никлота. Он возглавил борьбу с захватчиками, став князем в 1131 году. Подобно птице Феникс, из пепла восстало государство.

Противостояние Запада и Востока поднялось на новый виток.

В 1134 году правителем Северной марки стал Альбрехт по прозвищу Медведь. Его по праву можно назвать злым гением славянства. Альбрехт тут же начал наступление на земли лютичей. Первой жертвой его стали гаволяне. Люди были частично истреблены, остальные онемечены. Захваченная территория преобразована в маркграфство Бранденбургское – по названию переименованного славянского города Бранибора.

Герцогом Саксонским в это время стал Генрих по прозвищу Лев. Этому событию предшествовала история, которая должна войти в сокровищницу образчиков женской верности. После смерти бездетного Лотаря II за императорскую корону сцепились Конрад Штауфен и Генрих Вельф. В результате борьбы 7 марта 1138 года на трон воссел Конрад III. Он попытался отнять у выступавших за его противника герцогства и графства, чтобы передать их сторонникам. Началась длительная война. В конце концов Вельфы проиграли. Когда пал их родовой замок, Конрад приказал всех мужчин истребить, а женщин отпустил, разрешив взять с собой только то, что они смогут унести. И тогда женщины взвалили на себя своих мужей и вынесли из павшей цитадели. Конрад произнес историческую фразу «Королевское слово неизменно», – и остатки еще недавно могучего рода Вельфов были спасены. В числе спасшихся таким образом оказался и Ген-

рих Лев, сын умершего к тому времени Генриха – соперника Конрада.

История крестовых походов описана более или менее широко. Западная Европа буквально кипела пассионарностью – так выдающийся популяризатор истории Лев Гумилев называл стремление людей к достижению какой-либо цели. К тому же быстрый рост населения превышал возможности территории его прокормить. Вот и был придуман выпускной клапан – идея отвоевания Гроба Господня. Волна за волной выплескивались походы на сарацин.

И вот наступил 1147 год. На Восток устремились две волны крестоносцев. Южная ветвь отправилась проторенным путем в Палестину. Северная двинулась на славян. Папа Римский приравнял славян к сарацинам. Он объявил войну в центре Европы делом столь же богоугодным, как и в Восточном Средиземноморье. Первыми главарями этой «священной войны» и стали названные выше Альбрехт Медведь и Генрих Лев. Их задачей было истребление славян и освобождение территории для заселения подданными германской короны. Да, завоевательные войны шли и раньше. Но только с 11 апреля они приобрели характер глобальной вооруженной целенаправленной экспансии.

Между тем Никлот сдаваться не собирался. Вполне возможно, о булле Папы Римского он ничего не знал, а даже если и знал, мог её не оценить. А может, напротив, сразу распознал ее зловещий смысл. Западные славяне имели свою

письменность, однако до нас не дошло ни одного их документа, так что о мотивах многих шагов князя можно только догадываться. В одном нет сомнения: покоряться он не желал!

Никлот построил крепость Добин, которая стала костью в горле крестоносцев. Здесь он наголову разгромил рыцарей. Однако отсиживаться за стенами Никлот не собирался. Он совершил бросок на Запад, огнем и мечом прошёлся по оккупированной врагом Вагрии, сжег Любек. Князя-патриота поддержали и обосновавшиеся на острове Руян славяне-мореходы.

И вновь невозможно удержаться от отступления. Не будем идеализировать предков – потомки и нам найдут чем попенять! Обосновавшиеся на берегу Балтийского моря славянские племена жили отнюдь не одной лишь рыбной ловлей. Промышляли они и банальным пиратством, и работоторговлей. Да, они уступали датским и шведским коллегам по ремеслу в жестокости и предприимчивости (похоже, это общеславянская особенность), но ангелами их считать тоже не следует. Известен случай, когда только в результате одного нападения на норвежское побережье в 1135 году пираты-поморяне захватили большой полон в семь тысяч женщин и детей, которых продали на невольничьих рынках на мусульманский Восток. В 1143 году датчане нанесли славянскому флоту поражение и разгромили главную базу поморян город Эмбург. После этого славянский флот был вынужден пере-

селиться на остров Руян (Рюген), на северной оконечности которого славяне заложили мощную крепость. Именно сюда переместилось святилище бога Сварожича, подвергавшееся нападениям в городе-храме Ретра. После начала активных боевых действий Никлота с крестоносцами поморяне выступили на стороне своих братьев. Уж теперь они отыгрались, как говорится, по полной программе! Славянский флот напал на флот датский – датчане совместно с германцами принимали участие в крестовом походе. Победа была полной! Дания, занимающая выгодный в географическом отношении Ютландский полуостров, разом осталась без доходов: пиратство и морская торговля теперь ей были заказаны, а блокада лишила транзитных пошлин.

Результат закономерен: Дранг нах Остен был приостановлен. Вернее, не так: он перестал быть столь откровенным. И это стало последним крупным успехом славян в регионе в их противостоянии с Западом. В 1150 году умер князь Бранибора Прибыслав, после чего город, теперь уже Бранденбург, окончательно стал немецким. Живших здесь гаволян почти полностью истребили, а «освободившуюся» территорию заселили германские и голландские колонисты. Маркграфством до 1320 года правила династия Асканиев – потомков того самого Альбрехта Медведя.

В 1160 году Генрих Лев возобновил боевые действия. Никлот вновь показал себя мудрым полководцем. Он чётко оценил, что соотношение сил не в его пользу. Приходи-

лось отступить вглубь своих земель. Он разрушил важнейшие крепости княжества – Добин, Зверин, Илово, Мекленбург, и собрал все наличные силы в крепости Вурле. Здесь Никлот и погиб во время одной из вылазок.

Сыновья погибшего Никлота Прибыслав и Братислав оказались в изгнании. Со временем Прибыслав принял от убийцы своего отца в ленное владение земли бодричей. В 1170 году стал имперским князем, основоположником Мекленбургской династии.

Последнее крупное восстание, поднятое бодричами, произошло в 1179 году, через год после смерти Прибыслава. Можно предположить, что этот мудрый князь при жизни сдерживал своих соплеменников, стремившихся к свободе, оберегал их от полного разгрома. Если это так, он оказался прав. К восставшим присоединились лютичи. Однако силы оказались слишком неравными. Восстановление было наголову разгромлено, по стране прокатилась волна жестоких казней.

...В средневековых сказаниях жила каладрий – чудесная птица с зелеными глазами. Она прилетала к тяжело больным людям и садилась в изголовье. Её глаза обладали способностью вытягивать из страждущего хворь, и он возвращался к жизни. Если же каладрий отворачивалась, человек был обречен. В XII веке каладрий отвернулась от целой семьи славянских племен.

Так с лица Европы исчезли народы, ставшие первыми

жертвами политики, каленным железом впечатанной в историю как Дранг нах Остен.

Хронологическая таблица Крестового похода

Годы – события

789 – лютичи впервые под германцев

929 – битва Ленчин, Генрих I Саксонский

962 – Оттон I император

965 – образование Северной марки

983 – восстание славян, освобождение от немцев

1001 – бегство Оттона III в результате восстаний

1002 – восстание, изгнание

1031 – князь бодричей Готшлак

1056 – умер император Генрих III

1056 – Генрих послал войско на лютичей, они разгромили

1066 – убит Готшалк

1068 – разрушен город-храм Ретра

1077-1106 – усобица в Германии

1093 – Генрих Бодрицкий, усобица, убит князь Крутой

1119 – убит Генрих, восстание

1125 родился Гельмольд хронист

1125 – Лотарь император, поход на Восток

1129 – родился Генрих Лев

1129 – распад Вендского государства

1131 – независимость, Никлот

1134 – Альбрехт получил Северную марку, начало на-

ступления на лютичей

1135 – Альбрехт завоевал гаволян

1135 – набег славянских племен на Норвегию

1137 – разрушен Любек

1138 – Прибыслав князь вагров взял Сигиберг

1139 – захват Вагрии

1143 – заложен немецкий Любек

1143 – перебазирование пиратов на Рюген

1147, 11 апреля – булла Папы Евгения III

1147 – крестовый поход, разгром Добин

1150 – погиб князь гаволян Прибыслав, пал Бранибор

1160 – убит Никлот

1161 – впервые Росток

1163 – Генрих Лев осадил Ворла

1164 – восстание Прибыслав Никлотович

1170, 18 ноябрь – умер Альбрехт Медведь

1179 – последнее восстание славян

1180 – суд над Генрихом Львом

1195, 6 августа – умер Генрих Лев

* * *

Ура – на Бердаа!

Версия истории того, как в X веке русы предприняли первую попытку закрепиться в Закавказье и того, к чему это привело.

В сентябре 943 года по Кавказскому побережью Каспия пронеслась тревожная весть: русы идут! Особенно встревожился ширваншах Мухаммед бен Йезд – берега его государства широко выходили к морю, а потому были особенно доступны для нападения пиратов. Побережье Каспия до того уже на раз подвергались набегам свирепых северных пришельцев. (У разных историков состав пришельцев варьируется: здесь присутствуют русы, норманны, аланы (осетины), буртасы (башкиры), таинственные герки (историки по-разному толкуют их этническую принадлежность), лезги, хазары...). Арабские историки Мухаммед бен эль-Хасан, Захир-ад-Дин и другие повествуют о нападениях русов (будем использовать это обобщающее название, потому что именно они всегда являлись главной движущей силой набегов) на ряд городов Табаристана (юго-восток Каспия) в 880, 908-910 гг., грабительский поход по юго-западному побережью 913 года... Короче говоря, местному населению было чего бояться – пришельцы приходили за добычей, а потому были жадны и беспощадны.

Однако в этот раз все случилось иначе. Незваные гости не

стали ни грабить, ни захватывать небольшие прибрежные города. Разгромив при высадке войско правителя Аррана (государство на территории нынешнего Азербайджана) Марзубана Ибн-Мухамеда, оставив побережье, они устремились вглубь Закавказья, вверх по реке Мтивари (ныне Кура). И сходу овладели сильной крепостью Бердаа близ озера Севан, властителем которой был эль-Мерзебан бен Мухаммед ас-Саллар.

Следует отметить, что карта Закавказья тех времен значительно отличалась от нынешней. Помимо привычных нам Аррана (Азербайджана), Грузии и царства армянских Багратидов, мы видим здесь Ширван со столицей Шемаха (помните – «девица – шемаханская царица»?), Албанское царство, Кахетию, Ташир, Вананд и др. И вот в самом центре этого клубка государств, исповедующих разные религии, вдруг появляется отряд отважных воинов, которые пришли не грабить, а основать новое княжество. Вот так, ни более, ни менее! Некто Абу-Аббас ибн Нудар рассказывает, что после занятия города русы обратились к жителям с предложением заключения своего рода договора: «Нет между нами и вами разногласия в вере. Единственное, чего мы желаем, – это власти. На нас лежит обязанность хорошо относиться к вам, а на вас – хорошо повиноваться нам». По сути дела, это была попытка повторения опыта, который оправдал себя на землях восточного славянства. Там тоже пришли русы во главе с Рюриком, став для многочисленных разрознен-

ных славянских, балтских и финно-угорских племен-прагосударств своего рода катализатором объединения – и тут же образовалось несколько мощных княжеств.

О том, какие отношения сложились между местным населением и пришлыми дружинами, говорит такой факт, о котором повествует арабский историк Ибн Мискавейх. Мусульманские войска окрестных государств, и в первую очередь Марзубана Ибн-Мухамеда, неоднократно пытались выбить русов из Бердаа. И тогда часть местных жителей вышла из стен города вместе с русами отбиваться от своих единоверцев. На это русы ответили им, чтобы они заботились о себе, а защищать их от внешнего врага – их, русов, забота.

Итак, налицо попытка создать в Закавказье русское княжество. В условиях, когда славянские народы, организованные консолидирующим началом русов, стремительно набирали силу и международный авторитет, эта задача им была вполне под силу. И кто знает, как потекла бы история дальше, но тут вмешалась третья сила, которая из всего и всегда стремилась извлечь выгоду только для себя. Речь идет о Хазарском каганате.

Об этом государстве известно очень много. И в то же время оно по-прежнему остается во многом загадочным. Девять десятых населения Хазарии были простыми кочевниками, которые не слишком-то нуждались в централизованном государстве.

Однако оставшаяся десятая часть были евреи, которые

вынуждены были переселиться сюда из Ирана после разгрома движения маздакитов и которые нашли приют на земле простодушных хазар. Евреи также принесли в этот край консолидирующее начало – так и возник Хазарский кагант, в котором власть и народ жили каждый сам по себе. Главным источником дохода для власти была транзитная торговля и сбор пошлин: с караванов, следовавших по Великому шелковому пути, а также с судов, которые следовали по маршруту Волга, Яик или Терек – Каспийское море.

Вот тут-то и назрел конфликт. Хазарским властям чрезвычайно выгодны были грабительские походы русов против мусульманских народов Закавказья. И тому несколько объяснений. Прежде всего, возвращавшиеся из походов разбойники вынуждены были платить немалую дань за право пройти вверх по Волге. Такие походы сдерживали мусульманское давление на иудейско-языческую Хазарию. В такие походы с русами уходила та часть степной молодежи, которая могла бы объединиться в реальную военную силу против пришлых властителей. Потому Хазария всемерно поддерживала такие набеги.

Но тут случилось нечто для хазарского руководства немыслимое: русы решили образовать на Каспии свое княжество. А это значит... Страшно представить! Европейские славянские княжества, дружественные им аланы (осетины) и форпост в Закавказье могли образовать единое надгосударственное образование, которое заблокирует Хазарию с запа-

да и отрежет от союзной Византии. Этого она допустить никак не могла. У Хазарии вообще не было друзей или хотя бы устойчивых союзников! Замечательный документ того времени, так называемый «Кембриджский аноним» перечисляет некоторых ее врагов: Асия (осетины), Баб-ал-Абваб (Дербент), Зибух (черкесы), турки (современные комментаторы считают, что речь идет о венграх), Луз-ния (ладожане-варяги) – то есть практически все соседи!.. Едва ли не единственное исключение – Багдадский халифат, этот центр работоторговли, через который так выгодно было сбывать живой товар, поставляемый разбойниками всех мастей с Поволжья и из славянских земель.

Вот тут-то иудейское правительство Хазарии и показало свою сущность. Сильные позиции русов в Закавказье ему были не нужны. И хазары закрыли пропуск русских кораблей через устье Волги. Передовой отряд колонистов оказался отрезанным от метрополии. После этого он, по сути, был обречен. Однако – вот неожиданность! – информация о его дальнейшей судьбе отсутствует! Такое впечатление, что русы, осознав, что закрепиться в Бердаа им не удастся, ушли из города – и попросту исчезли. Куда? Ответа на это нет, но есть несколько версий. И при любом раскладе хазарское правительство выглядит не в лучшем виде.

Прежде всего следует отметить, что отряд русов был заметно ослаблен болезнями, и в первую очередь дизентерией, которая обрушилась на них в стране с непривычным клима-

том. В этих условиях вполне можно предположить, что 20-тысячный отряд стал жертвой мести мусульманской гвардии Хазарии, которые решили отомстить пришельцам за своих единоверцев. Такое уже случалось и раньше: в 913 году, как свидетельствует исламский историк Масуди, был полностью уничтожен отряд русов в составе 500 кораблей, проследовавший по разрешению хазарского кагана Вениамина на Каспий. Быть может, и этот отряд был поголовно уничтожен?

Другая версия. По законам Хазарии, войско, нанятое его правительством для выполнения неких военно-политических функций, не имело права проигрывать. В случае поражения, оно все подлежало казни. Все до единого человека! В живых оставался только полководец, да и то если он был иудей. Если допустить, что рать русов была нанята хазарами, ее возвращение формально можно было считать поражением и в этом случае, опять же формально, оно подлежало экзекуции.

Версии о том, что все корабли погибли во время шторма или что все до единого воины умерли от болезней, принимать не будем как несерьезные.

Вот и выходит, что так или иначе именно хазарское правительство виновно в том, что попытка русов закрепиться в Закавказье в X веке окончилась неудачей. И тогда более чем понятным становится месть великого полководца Святослава, который попросту уничтожил Хазарию.

Есть, правда, еще одна версия событий, происшедших

одиннадцать столетий назад. Её выдвинули наш замечательный историк Лев Гумилев. Итак, вспомним известнейший факт: осенью 944 года князь Киевский Игорь (Ингвар), известный как Старый, отправился собирать дань к древлянам, где местные жители за жадность его наказали – привязали к двум согнутым деревьям и отпустили, разорвав сюзерена пополам. Летописи тех времен свидетельствуют, что Игоря заставила потребовать увеличения дани его собственная дружина. Дело в том, что дружинники отчаянно завидовали своим братьям по мечу, служивших княжескому воеводе Свенельду – которые были богато одеты, прекрасно вооружены, имели отличных лошадей и в чьих карманах звенели монеты. Как же получилось, что у сюзерена казна была пуста, а у его первого помощника денежка водилась – и немалая? В 941 и 944 годах Игорь дважды ходил на Константинополь – в первый раз все воины, которых доставили в Византию 10 тыс. кораблей (не исключено, впрочем, что это число преувеличено), были уничтожены, второй поход окончился мирным договором. Все это время торговля с главным партнером Руси, Царьградом, была заблокирована... Так что нищета княжеской казны, которая вся ушла на организацию походов, вполне объяснима. А вот богатство Свенельда... Откуда у него такие деньги? К тому же самого воеводы не было в составе делегации, которая участвовала в переговорах о мире с Византией... Где же он находился?

Так почему бы не предположить, что именно Свенельд

предпринял ту самую попытку совершить прорыв в Закавказье и закрепиться там? Быть может, ему удалось вырваться из западни, которую организовали для его рати хазары? Конечно же, это только предположение. Да только среди соседей Руси не было столь богатых народов, из похода на которых мог бы Свенельд вернуться с такой богатой добычей, что дружинники заставили своего князя подвергаться риску – как мы теперь знаем, смертельному. К тому же имя вожака русов, которое упоминается у Низами, фонетически созвучно с именем Свенельд.

Как бы то ни было, первая попытка русов закрепиться в Закавказье окончилась неудачей – этому грандиозному проекту воспрепятствовали болезни и предательство Хазарского каганата.

* * *

Загадки Куликова поля

Куликовская битва входит в число тех событий отечественной истории, которые самым существенным образом повлияли на ход развития нашего государства. Вместе с тем, думается, нет другого такого сражения, которое оставило бы потомкам такое количество оставшихся без ответа вопросов. Походы Святослава или битвы Александра Невского вызывают у историков меньше споров, чем Куликовская битва, хотя она отлежит от нас на куда меньшем временном отрезке.

Взять, к примеру, личность самого великого князя Московского Дмитрия Ивановича, которого впоследствии официальная историография окрестит Донским. Среди русских полководцев, оставивших в мировой истории столь заметный след, нет больше ни одного, к кому у потомков осталось столь противоречивое отношение. Не случайно же, несмотря на столь значительный вклад в историю страны, Церковь на протяжении семи с половиной столетий не признавала Дмитрия Ивановича святым.

Разные источники по-разному повествуют о событиях, предшествовавших походу войска князя Московского против Орды. Одни утверждают, что Дмитрий Иванович отчаянно боялся выступить против Мамае, что его уговорил, едва ли не заставил решиться на это Сергей Радонежский. Другие доказывают обратное: что преподобный пытался удер-

жать князя от этого похода. Кто тут прав? Вряд ли теперь можно установить истину. Поэтому просто примем за данность: победоносный поход состоялся, хотя, по всей видимости, не без жарких споров при великокняжеском дворе.

Самому походу предшествовала отлично подготовленная и успешно осуществлённая разведывательная операция. Впрочем, кто на самом деле был её организатором, великий князь Дмитрий Московский, его воевода Дмитрий Боброк-Волынский или князь Владимир Серпуховской – бог весть. Главное в другом – в результате этой операции на Куликово поле русская рать выступала, имея достоверную информацию о силах и планах полчищ Мамаё. Для этого в августе 1380 года из Москвы в Сарай отправилось посольство во главе с Захарием Тютчевым, которое должно было узнать о численности и степени готовности татарского войска к походу на Русь, о возможных союзниках хана Мамаё. А вскоре в Степь отправилась небольшая дружина, во главе которой стоял Семён Мелик – ей было поручено раздобыть те же сведения через захваченных «языков». В результате русская рать выступила из Москвы, уже имея достаточно полную информацию о войске противника.

Русская рать, двигаясь навстречу Мамаё, сделала совершенно непонятный крюк. Историки по-разному пытаются истолковать маршрут, по которому шли русские дружины. Например, что у войска не хватало оружия и потому пришлось зайти в какой-то княжеский городок, чтобы попол-

нить свой арсенал. Думается, такое объяснение не выдерживает никакой критики. Средневековое войско идет на войну без оружия? Несерьезно. Но даже если бы это было так, не проще ли приказать доставить мечи и копья непосредственно к войску, а не гнать людей в такую даль, да еще по жаркой степи? Думается, дело было в другом. Дмитрий Иванович сознательно пошел на риск, двигаясь зигзагом. Риск, надо подчеркнуть, был отчаянный – из далекой Литвы на помощь ордынцам спешило 30-тысячное войско князя Ягайло Ольгердовича. На момент битвы силы русских и татарских войск были примерно равны – если бы противник успел объединиться, неведомо, каким мог бы стать ее исход.

Думается, Дмитрий Иванович руководствовался следующим соображением. За три года до Куликовской битвы, в августе 1377 года, на реке Пьяне было разгромлено войско князя Ивана Дмитриевича, родственника великого князя Московского. Причина поражения вполне соответствует названию реки, на берегу и в водах которой разыгралась трагедия. Русское войско очень долго ожидало нападения татарского царевича Арапши (Араб-паши), о котором заблаговременно донесла разведка. Ничто так не расхолаживает человека, как безделье, особенно если оно исходит от командования – постепенно ратники расслабились, дисциплина ослабла... Сложив оружие и доспехи на подводы, они пьянствовали и купались. Тут-то и объявилась татарская конница. В результате получилась не битва, а избиение – почти все русское войско

во главе с князем и боярами было перебито и утонуло в реке.

Почему бы не предположить, что Дмитрий Иванович старался так рассчитать время похода, чтобы дружины вышли на намеченный рубеж буквально накануне битвы, чтобы у них не было времени расслабиться?

Следует подчеркнуть, что место сражения было выбрано великолепно – Дмитрий Иванович не случайно привел войско именно сюда. Две речушки по флангам, лесок и овражки лишали татарское войско главного его преимущества – возможности широкого маневра конницей. Так что битва протекала по сценарию, который разработал князь Московский – или же умный воевода, находившийся у него на службе.

Вызывает крайнее недоумение главный поступок, совершенный Дмитрием перед началом битвы. Он приказал своему родственнику Михаилу Бренку облачиться в великокняжеский плащ и драться под великокняжеским же стягом. По сути, он попросту подставил верного подданного под сабли татарской конницы, понимая, что именно на это знамя будет нацелен основной удар могучей татарской конницы. Сам же Дмитрий Иванович оделся как простой ратник и растворился в рядах войска... Официальная версия гласит, что он сражался в составе Большого полка, что получил контузию... Допустим. Только Большой полк почти на половину poleg, большинство оставшихся в живых были ранены. В самом прямом смысле этого слова, за своего сюзерена погиб и Михаил Бренко; пали богатырь Пересвет, князья Белозерские

отец и сын Федор и Иван, воеводы Тимофей Волуй и Лев Морозов... Сам же великий князь не получил ни царапины, хотя утверждается, что дрался с начала битвы до конца. По-неволе напрашивается вопрос: а был ли мальчик, то бишь, а участвовал ли мальчик действительно в сражении, коль нет тому ни свидетелей, ни свидетельств хотя бы в виде шрама? Считается, что у Дмитрия Ивановича была какая-то чудесная кольчуга, способная выдерживать сабельные удары.

Если учесть это обстоятельство, поступок князя с точки зрения морали выглядит еще более сомнительным: подставил под удар Бренка, а сам сражался (если сражался) рядом с простыми ратниками, будучи, в отличие от всех остальных, неуязвимым для противника.

Великолепно спланировав сражение, Дмитрий Иванович, по сути, полностью самоустранился от руководства войсками. Впрочем, нет полной уверенности, что и план сражения принадлежит ему – ведь рядом с ним находился опытейший полководец князь Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский.

Как бы то ни было, все теперь зависело только от стойкости ратников и своевременного удара Засадного полка. На правый фланг русских, где из-за пересеченной местности не могла действовать татарская конница, наступала пехота, в частности, генуэзские наемники. Оборону там держал князь Андрей Ольгердович Полоцкий – сводный брат союзника Мамай Ягайло. Князь Андрей со своими дружинами выстоял

и даже немного потеснил противника. Зато полк Левой руки удара татарской кавалерии не выдержал и через несколько часов сечи начал отступать. Мамай уже предвкушал победу.

И тут в тыл торжествующему противнику ударил Засадный полк, которым командовали князья Владимир Серпуховской и Дмитрий Боброк-Волынский. Момент удара они рассчитали великолепно. По сути, лавры победителей должны принадлежать именно им.

Об этих двух людях можно рассказывать много. Владимир Андреевич за эту битву получил две лестные приставки к имени – Хоробрый и Донской. И когда со временем он почувствовал, что заслуга победы приписывается исключительно его двоюродному брату Дмитрию Ивановичу, обиделся и уехал в свою вотчину, в Серпухов. Они помирились лишь когда великий князь почувствовал приближение смерти и призвал Владимира для того, чтобы снять грех разлада со своей души.

Ну а знаменитый рубака и воевода князь Боброк приехал в Москву с далекой Волыни. Юго-запад некогда могучей Киевской державы теперь принадлежал Литве. Если покойный князь Ольгерд не особо притеснял своих славянских подданных, новый великий князь Ягайло (или Лягайло, как его нередко именовали русские летописи) резко изменил как внутреннюю, так и внешнюю политику. Происходило окатоличивание края, сформировался союз с татарами, направленный против православных русских княжеств... И Боброк

предоставил свой меч и свою умную голову в распоряжение Дмитрия Ивановича. Он и погиб в бою, через несколько лет после Куликова поля.

Итак, именно удар Засадного полка решил исход битвы.

К слову, неведомо и то, какое количество войск сошлось на Куликовом поле. Разные историки приводят разные данные – от 50 до 250 тысяч с каждой стороны. Вряд ли их могло быть более 100 тысяч – на столь небольшом пятачке территории, границы которой четко обозначены, не могли бы разместиться подобные полчища. Следовательно, либо официальная историография сознательно завышает число войска, либо на Куликовом поле проходила лишь часть сражения, пусть центральная, но часть – в то время как в других местах дрались другие отряды, о чем нам нынче ничего не известно. В такое верится с трудом. Так где же истина? Загадка!

Буквально через сутки после битвы к месту сражения подошли дружины Ягайло. Однако нападать на русское войско не стали. Опять же, почему? У литовцев были все шансы на победу. Да, рать Ягайло устала после долгого перехода. Но ведь эта усталость ни в какое сравнение не идет с тем, насколько были измотаны сражением русские полки! Потери, понесенные ими, были огромны. Однако Ягайло отступил, не стал нападать. Возможных причин тут видится только две. Первая – он изначально не собирался воевать с Русью на стороне татар; потому-то промешкал в пути и к битве не успел. И вторая, связанная с ней же – политика союза с татарами

против Руси не пользовалась популярностью среди его подданных и родственников-князей, а потому он опасался усиления оппозиции.

Главным итогом Куликовской битвы стало то, что именно с этого сражения можно вести отсчет возрождения Руси, которая лежала в руинах после княжеских усобиц XII и нашествия Степи XIII веков. Как выразился наш замечательный историк Лев Гумилев, на Куликово поле выезжали москвичи, тверичи и владимирцы, а возвращались русские. И сколько бы ни говорили о вопросах и загадках, оставшихся после этой битвы, главное было сделано: наши предки поняли, что ордынцев можно бить. Да, впереди были еще нашествие Тохтамыша и сожжение брошенной все тем же Дмитрием Ивановичем на произвол судьбы Москвы, было еще сто лет дани, были новые и новые набеги ордынцев... Но именно после Куликова поля в Москву потянулись ордынские мурзы, чтобы поступить на русскую службу. И знаменитое стояние на Угре, когда татарское войско не решилось перейти границу и тем самым признало независимость Руси от Орды, стало возможным благодаря подвигу, совершенному нашими предками на Куликовом поле.

* * *

Боевое братство средневековья

Не возьмусь утверждать наверное, но, скорее всего, битва, о которой пойдет речь, была первой в истории человечества. Впервые объединилось столько народов, чтобы совместно дать отпор могучему и грозному агрессору. Речь идет о Грюнвальдской битве, которая произошла 15 июля 1410 года.

Попытаемся объективно оценить реалии Средневековья. По законам Западной Европы того времени мойорат нельзя было дробить – его мог наследовать только старший сын. Между тем у феодалов рождалось по несколько сыновей. А отец ничего, кроме имени да умения драться, завещать им не мог. И нищие отпрыски знатных родов вынуждены были сами добывать себе... Да что угодно – Гроб Господень, новые земли, имение старшего брата... Из таких неимущих рубак и формировались рыцарские ордена – Госпитальеров, Храмовников, Меченосцев, Ливонский, экзотические Сантьяго-де-Компостела, Сан-Хульян-дель-Перейро или Санта-Мария-де-Эспанья...

Конечно, в событиях того времени грандиозную роль играла их религиозная подоплека. После печальной памяти Клермонтского собора 1095 года с подачи святого Петра Пустынника и благословения Папы Римского Урбана II началась серия крестовых походов против инакомыслящих. По-

началу целью их было отвоевать у «неверных»

Палестину и Святые места, потом география крестоносцев начала расширяться, а аппетиты, соответственно, расти. Ладно еще, в какой-то мере можно было бы понять этих «блюстителей веры», когда речь шла о язычниках или о мире ислама – в те времена различия в вероисповедании нередко являлись поводом для войны. Так нет же – христиане, которые крестятся иначе, также были объявлены еретиками. Следовательно, их, еретиков, нужно бить, убивать, уничтожать, а земли их захватывать. Что славные рыцари и осуществляли с превеликим удовольствием. Для борьбы с Византией Папа Римский Иннокентий III в 1199 организовал целый Крестовый поход (известный в истории как Четвертый), в котором приняли участие рыцари французские, немецкие, итальянские и других народов.

Через некоторое время наступление на Восток началось и на Севере. Рыцари уже давно облизывались на славянские и прибалтийские земли. В 1240 и в 1242 годах Александр Невский настучал им по сусалам. Но за 200 лет урок забылся. Захотелось рыцарям попытать счастья еще раз.

Каждый агрессор, начиная войну, убежден в своей победе. Тем более, что очередной «дранг нах остен» предприняли профессиональные воины, которые ничего кроме как убивать не умели. Они были убеждены в своем превосходстве! И имели на то основания. Перед орденом трепетала вся Европа. О его могуществе говорит хотя бы такой факт: в 1398

году войско Тевтонского рыцарского ордена сумело разгромить могучее сообщество витальеров – балтийских пиратов, создавших базу на острове Готланд, которое держало в страхе все прибрежные государства.

В Европе рыцарям становилось тесно. Они рвались на восточные просторы. Европейские монархи и папы римские всячески поощряли эти устремления – пусть обнищавшие сумасброды проливают свою и чужую кровь где-нибудь подале.

В 1330 году Польша вынуждена была уступить Ордену Померанию. В 1337 году император Людвиг Баварский «пожаловал» Ордену Литву, литовцы оборонялись отчаянно, однако шансов на победу у них было ничтожно мало – учуяв поживу, в ряды тевтонов устремились авантюристы со всей Европы. В 1343 году попытались восстать эсты, однако крестоносцы жестоко подавили восставших. В 1347 году в Литве прошли массовые казни православных христиан. С 1360 года начинается массированное наступление крестоносцев на Литву и Пруссию, в плен попадает даже Великий князь Кейстут, правда, ему удалось бежать. В 1398 году Витовт (Витутас) в обмен на титул «короля Литвы и Руси» отдает Ордену Жмудь – часть родной земли, продолжая, впрочем, тайно поддерживать борьбу земляков против оккупантов...

Надо отметить, что Руси в тот период несколько повезло. Иго Золотой орды, раздираемой внутренними распрями борющихся за власть чингизидов, несколько подослабло. А от

натиска с Запада наших предков прикрывали самоотверженно боровшиеся с захватчиками балтские и славянские народы – литовцы, латы, эсты, белорусы, поляки... Нет, идиллическую картину рисовать не будем – русичи в те годы воевали постоянно, и между собой, и с Витовтом, и с Араб-шахом, и с Тохтамышем... Но это не были войны на уничтожение или полное порабощение, подобные тем, которые вели крестоносцы. Не случайно же даже историками отмечено такое явление, как массовый переход бегущих от репрессий и окатоличивания православных литовцев в Московское государство в 1406 году.

Впрочем, вернемся к Тевтонскому ордену. В 1409 году великий магистр Ульрих фон Юнгинген счел, что у него достаточно сил для великого похода на Восток. Просчитался. Польский король Ягайло нанес крестоносцам несколько поражений. Руководство Ордена осознало, что недооценило противника. Было заключено перемирие, которое, впрочем, никого не обольщало. Обе стороны активно готовились к грядущим сражениям. Для одной из сторон это столкновение должно было стать роковым.

К началу XV века вопрос о союзе Польши и Литвы был по сути уже predetermined. (К слову, в тот период по инициативе венгерского короля Людовика Великого вполне серьезно обсуждался вопрос о создании еще более крупного и разнomaстного государства, в которое вошли бы, помимо самой Венгрии, Австрия, Польша и Бранденбург). Совмест-

ная борьба против ордена крестоносцев способствовала подобной унии. Между тем дело это было непростое. Причина в том, что Ягайло был литовцем, и польским королем стал лишь благодаря женитьбе на польской королеве, пятнадцатилетней Ядвиге, дочери Людовика Венгерского. В борьбе за власть Ягайло в свое время приказал убить отца Витовта, Кейстута, а его мать жрицу Бируту утопить; сам же Витовт сумел бежать из темницы, переодевшись в женское платье. Как же нужно было скрутить собственное «я», чтобы пойти на союз с убийцей своих родителей – пусть и перед лицом общей опасности!..

И вот наступило лето 1410 года. Противостоящие стороны сформировались следующим образом. Тевтонское войско включало в себя представлявших из себя грозную силу рыцарей-профессионалов, а также жаждавших денег наемников-авантюристов, слетевшихся на запах крови и поживы со всей Западной Европы. Им противостояла «сборная» армия Восточной Европы, общее руководство которой осуществлял польский король Владислав II, больше известный в истории как Ягайло (Ягелло) – сын знаменитого Великого князя Литовского и Русского Ольгерда (Альгирдаса) Гедиминовича и тверской княжны Ульяны. Эта армия состояла из польских, литовских, русских, белорусских, татарских хоругвей (отрядов численностью примерно по 500 человек). К союзному войску примкнули также небольшие отряды украинцев, венгров, валахов, молдаван (используя современные

названия народов). К слову, чешским отрядом командовал знаменитый сподвижник Яна Гуса выдающийся полководец Ян Жижка.

Любопытно, но данные о численности сошедшихся на поле между Грюнвальдом и Танненбергом войск в различных источниках в значительной степени разнятся – от 10-15 до 60 тысяч человек с каждой стороны. Если учесть, что речь идет о событиях 600-летней давности, это вполне объяснимо. Главное в другом – явного преимущества не было ни у одной стороны. Несомненное превосходство крестоносцев в воинском искусстве и мощи тяжелой кавалерии в значительной степени компенсировалось моральным духом объединенного войска, отстаивавшего свою родину. Впрочем, войска союзников тоже на поле брани отнюдь не были необученными ополченцами – опыта войны хватало у всех.

На руку объединенному войску был и тот факт, что накануне сражения прошел ливень, земля разбухла от влаги, что давало некоторое преимущество легкой татарской коннице перед тяжёлой рыцарской.

Командование союзных войск четко распределило обязанности. Общее руководство осуществлял Ягайло, польской армией командовал некто Зындрама (Збигнев), остальными частями – Витовт. Это предопределило и порядок построения войск. Предполагалось, что рыцари обрушатся на правый фланг союзного войска могучим фронтальным ударом. Необходимо было удар выдержать, а потом охватить

противника с левого фланга. С некоторыми оговорками замысел удался. Вопрос заключался в том, где какие войска разместить! Размещал, напомним, Ягайло... Польские войска оказались, как и следовало ожидать, на левом фланге. Литовские на более опасном правом. А на участке, на котором ожидался самый страшный удар панцирной кавалерии, поставили три полка смоленского князя Юрия Святославовича Мстиславского – за пятнадцать лет до описываемых событий Литва отвоевала Смоленск у Москвы. Легкая татарская конница выступала в качестве застрельщиков... Воистину, чужой крови не жалко!

Сражение начали татары. Налетев на стройные ряды крестоносцев, они осыпали их стрелами. Наткнувшись на мощный заслон из артиллерийского огня и тучи стрел тяжелых арбалетов, откатились назад. Особого урона закованной в броню армаде они не нанесли, однако вынудили ее к атаке по непросохшему полю.

Такой удар стальной лавины выдержать было невозможно. Не так: не мог выдержать никто. Литовцы и не выдержали – дрогнули и начали отступать. В ходе жестокой сечи крестоносцам удалось даже захватить Большое королевское знамя. Казалось бы, судьба сражения решена! Однако она оказалась в руках горстки русских ратников! Именно три смоленских полка, выстояв, спасли положение. Они дали возможность Витовту остановить бегущие литовские хоругви, перестроить их и вновь бросить в бой. Они дали возможность Ягай-

ло оценить ситуацию и направить отряд для того, чтобы отбить знамя. Они вынудили Юнгингена ввести в сражение резерв...

Один полк погиб до единого человека. Остатки двух других отошли (именно отошли, а не бежали) и влились в оправившиеся от замешательства литовские хоругви. Достойные наследники славы дружинников Александра Невского!

С этого момента войско Тевтонского ордена было обречено. Войска союзников начало охватывать его с флангов, угрожая окружением. Уцелевшие рыцари отступали...

А теперь – образец чести воина и полководца! История знает немало случаев, когда полководец бросал обреченное войско и спасался бегством. В 31 году до н. э. Антоний бросил гибнущий флот, разгромленный Агриппой в битве при Акции. Дмитрий Донской в 1382 году бежал от Тохтамыша, оставив на произвол судьбы не только Москву и москвичей, но и собственных жену и детей. Разгромленный под Полтавой Карл XII так спешил спастись, что бросил весь обоз. Наполеон сбегал от обреченной армии дважды – в Египте и на Березине... Да мало ли история знает подобных примеров! А здесь...

Понимая, что орден разгромлен, приближенные начали уговаривать великого магистра скрыться. Ульрих фон Юнгинген поступил как настоящий рыцарь.

– Не дай Бог, чтобы я оставил это поле, на котором погибло столько мужей! – ответил он и бросился на верную смерть

в самое пекло битвы.

...Значение Грюнвальдской битвы для восточного славянства и народов Прибалтики невозможно переоценить. Она поставила крест на самой идее крестоносцев вторгаться на наши земли.

А главное – битва показала, что перед лицом общей опасности можно и должно отодвинуть в сторону обиды и взаимные претензии. Ибо только в единении сила.

Какое-то время это единство еще сохранялось и в дальнейшем. В 1413 году состоялся Городельский сейм, который провозгласил объединение Польши и Литвы. Витовт возводит на ордынский престол своего ставленника Джеляль ад-Дина... Однако вскоре опять возобладали антагонизмы. Литовско-польская уния распалась. Влияние литовских князей на Орду сошло на нет. Борясь за независимость, Витовт взял курс на сближение с Москвой – к слову, его дочь Софья была замужем за Василием I, сыном Дмитрия Донского. Стремясь ограничить рост влияния Польши, Москва, а затем Новгород пошли на сближение с разгромленным Орденом... В общем, объединение против общего врага оказалось слишком кратковременным.

А Грюнвальдская битва так и осталась в истории Средних веков как уникальное событие. Ибо главным вектором международных отношений тех времен можно охарактеризовать как «война всех против всех».

Увы!

Наша справка.

Католический орден дома Тевтонского (Тевтонский или Немецкий орден). Создан в 1190 году в Иерусалиме при Папе Римском Целестине III и императоре Священной Римской империи Генрихе IV. В 1226 году император Фридрих II Штауфен (Гогенштауфен) издал Золотую буллу, которую подтвердил в 1234 году Папа Римский, согласно которой ордену предоставлялось право на завоевание земель в Пруссии и других землях Прибалтики. После Грюнвальдской битвы силы ордена были подорваны. В 1525 году захваченные Тевтонским орденом земли превращены в светское герцогство Пруссия. (Александр ТОРОПЦЕВ. Мировая история войн).

* * *

Войско стрелецкое, почти регулярное...

Создание в 1550 году стрелецкого войска стало значительным событием в истории России и в становлении ее Вооруженных сил. Конечно, его нельзя считать армией в современном понимании этого слова, однако и недооценивать это событие не следует.

Границы Российского государства в период царствования Ивана Грозного значительно расширились – на юге до предгорий Кавказа, на востоке перевалили через Урал. Усиливалась централизация государственной власти, следствием чего стала непримиримая борьба с остатками сепаратизма. Шли войны – Ливонская, с Казанским и Астраханским ханствами, а также за Крым. Массовое распространение огнестрельного оружия привело к кардинальному изменению тактики ведения боя. Эти и другие обстоятельства привели царя-батюшку к мысли о необходимости создания армии нового типа – массовой, состоящей из профессиональных воинов.

Так в октябре 1550 года и появилось стрелецкое войско. Просуществовало оно полтора века и было расформировано Петром I. По сути, именно стрелецкое войско стало переходной формой вооруженных сил от старинного сочетания небольшой княжеской дружины и ополчения к регулярной

армии, как тогда говорили, «иноземного строя».

Стрельцов поначалу набирали из свободных людей, затем эта служба стала пожизненной и наследственной. Согласно данным выдающегося польского исследователя истории России Казимира Валишевского, стрельцы из казны получали при поступлении на службу по рублю на постройку дома и обзаведение хозяйством, а также по рублю жалования в год. Правда, другой исследователь отечественной истории, Борис Краевский, ссылаясь на авторитет профессора С. Богоявленского, утверждает, что жалование рядового стрельца составляло 10 рублей в год, а стрелецкого головы – 200. Кроме того, казна их вооружала, обеспечивала военными припасами, а также снабжала некоторым количеством продуктов. В дальнейшем с целью экономии государевых средств стрельцам разрешили заниматься торговлей, ремеслами, земледелием, для чего им начали выделять наделы. Немаловажно – от налогов стрельцов освобождали, в то время как другие сословия должны были платить «стрелецкий» налог.

Снаряжение у стрельцов было для того времени вполне современным. Вооружение их состояло из ручных пищалей и бердышей, а также сабель или мечей. Это было чрезвычайно удобно. Пищаль тяжела, потому при выстреле вместо сошки использовался бердыш, который затем шел в ход как холодное оружие.

При Иване Грозном стрельцов было примерно 25 тыс. человек, а к началу царствования Петра I их число достигло

55 тыс. Половина из них проживала в Москве, выполняя, по сути, функции лейб-гвардии, а также полиции. Остальные размещались по гарнизонам. Стрелецкое войско подразделялось поначалу на приборы, затем приказы, а с 1681 года – на полки.

Как и сегодня, служба в столице и в гарнизоне значительно различались. Скажем, в приграничном городе-крепости Вязьме в середине XVII века на замкнутой стенами ограниченной площади теснился мощный гарнизон. В его состав входили, помимо казаков, артиллеристов и находившихся на русской службе татар, 910 стрельцов. И это в городе, разоренном Смутой, в котором только началась реконструкция цитадели, да еще в условиях постоянной угрозы нападения поляков или запорожцев! С началом неудачной Смоленской войны так и случилось – вражеские отряды неоднократно подходили к стенам крепости и выжигали все вокруг...

Не легче приходилось и стрельцам, которых направляли на службу за Урал. Скажем, стрелецкий десятник Василий Сычев в середине XVII века был направлен из Мангазеи (древнейший на земле город за Полярным кругом, располагался на реке Таз, впадающей в Обскую губу) во главе 10 стрельцов и 20 промышленников для сбора ясака (пушной дани) в бассейне Хатанги. Лишь через пять лет ему «на перемену» прибыл другой отряд стрельцов, которым командовал казак Яков Семенов, пришедший из Туруханска. На обратном пути объединенный отряд едва не погиб из-за недо-

статка продовольствия.

И подобных примеров можно приводить немало.

Впрочем, жизнь и служба столичных (выборных) стрельцов тоже были не сахар. Постоянные задержки с выплатой денег и продовольственных припасов вынуждали служивых искать заработка на стороне.

К тому же стрелецкий голова в своем приказе являлся абсолютным хозяином. Он лично выдавал денежное довольствие, причем сам же определял, кому из подчиненных сколько причитается. Мог оштрафовать, мог и поощрить. Мог наказать провинившегося батогами, мог посадить под арест, мог отпустить со службы, а мог назначить «вечным дежурным». В этих условиях в привилегированном положении оказывались лично преданные полковнику стрельцы, а из строптивых получались «мальчишки для бития».

Жаловаться на командира было бесполезно – все они происходили из знатных фамилий, многие были вхожи к государю... Если же кто и отваживался на жалобу, чаще всего виновным «назначался» сам же стрелец, с которого взыскивался штраф «за бесчестье» в пользу того же начальника. В гарнизонах приходилось еще тяжелее, так как стрелец был столь же бесправен и перед местными воеводами.

Все это привело к значительному расслоению внутри стрелецкого войска. Часть «государевых людей» занималась торговлей, часть ремесленничала, кто-то пахал землю, а кому-то приходилось разве что не нищенствовать.

И все же стрельцы были наиболее боеспособной частью государева войска. Не случайно именно стрельцы составляли основу русского войска во всех войнах, начиная с Казанского похода 1552 года. Скажем, в Литовском походе 1578 года только «дворцовых», то есть московских, стрельцов участвовало 2 тыс. человек.

Несколько слов хочется сказать о Смутном времени. В период, когда накануне вторжения в царство Лжедмитрия I всё общество было охвачено брожением, стрельцы в основной своей массе оставались верными Борису Годунову. Однако царь допустил грандиозную ошибку (приходится констатировать, что не одну), отправив значительную часть московских стрельцов в поход против Казикумухского шамхалата. Кто знает, по какому пути пошла бы история, если бы эта наиболее боеспособная и верная царю часть войска оставалась в Москве...

На стрелецкое войско была возложена и еще одна немаловажная функция. Оно играло роль современных Внутренних войск, а также полиции. При Иване Грозном карательную миссию выполняли опричники, на долю стрельцов остались правоохранительные функции. Они же, наряду с казаками, несли пограничную службу.

Иностранцы, по тем или иным причинам побывавшие в те времена в России, оставили письменные свидетельства о состоянии царского войска. В частности, англичанин Ричард Ченслер (Ченслор), прибывший в Россию вокруг Скандина-

вии на корабле «Эдуард Бонавентура», а также путешественник Клемент Адамс отмечали, что, несмотря на такие качества ратников, как личная храбрость, их выносливость и способность переносить тяготы похода – воинская выучка у них оставляет желать много лучшего. Слаба была и дисциплина, процветало дезертирство, особенно в период боевых действий.

Стрельцы неоднократно бунтовали, нередко присоединялись к врагам царского трона. Немало стрельцов оказалось в войсках Лжедмитриев, в бандах Ивана Болотникова. Известен случай, когда четыре полка самовольно снялись с литовской границы и направились в Москву, грозясь перебить бояр и немцев, – впрочем, бунт был легко подавлен несколькими выстрелами из пушек. В конце концов параллельно с существующим стрелецким войском в 1631-1632 годах началось формирование «полков иноземного строя». Теперь стрелецкая рать была обречена – речь шла только сроках.

В мае 1682 года в Москве разразился стрелецкий бунт, так напугавший юного Петра. Этого страха будущий император стрельцам никогда не простил. Даже то, что в 1689 году они спасли его с матерью и поддержали именно его в противостоянии с Софьей-правительницей, им не помогло. Он за все отыгрался после очередного бунта, произошедшего в 1698 году. Несмотря на то, что выступление было подавлено и зачинщики казнены боярином Шеиным, примчавшийся в столицу Петр повелел продолжить репрессии. Красную пло-

щадь усеяли обезглавленные тела стрельцов, стены Белого и Земляного городов унизали виселицы – причем, тела казненных запрещалось убирать. Именно тогда богатая копилка практиковавшихся в России наказаний пополнилась еще одной «находкой». 269 стрельцов сослали на каторгу – на рудники, солеварни, фабрики и заводы, в том числе в Сибирь и на Урал. (Опыт Петру понравился – в Артикуле воинском от 30 марта 1716 года практика ссылки на каторгу и на галеры получила законное обоснование).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.